

Неизвестная война: тех, кто не мог ходить, постреляли прямо в землянках...

Моя фронтовая жизнь началась, когда наш 42-ой полк, где я проходил до начала войны срочную службу, оказался близко от западной границы в городе Тернополе. Полк обслуживал штаб Юго-Западного фронта под командованием генерал-полковника Кирпоноса.

Война обрушилась на нас по всей западной границе. Оттуда несколько дней доносилась сплошная канонада. Мы, солдаты, и предположить не могли, каким маршем Гитлер будет продвигаться на восток.

Все пограничные части были сняты. Я не спал двое суток и, сменившись, заснул так крепко в своем окопе, что не слышал никакой суматохи. Проснулся от разрыва снаряда рядом с окопом и от комьев земли, посыпавшихся на меня. Подскочил, как ошпаренный, и на телеграф, а там полнейший хаос: что-то разбито, что-то пропало и ни души, а вокруг сплошной гул, грохот...

Я хватаю один аппарат СТ-35 в чехле, ляжки на плечи и бегом. Куда? Понял, части оставляют город и последним сдается вокзал. Расположение его я знал. Тороплюсь, как могу, пробираюсь через парк. Вдруг громкий окрик на немецком: "Руки вверх!". Глянул вправо, немец на меня наставил дуло автомата и повторяет команду. Я поднял руки вверх, в правой руке винтовка со штыком. Он дал очередь вверх и заорал, чтобы я бросил винтовку. Я поставил винтовку к дереву и поднял руки вверх. Приказал подойти к нему, повернуться спиной. Обыскал, вытащил из противогазной сумки сухой паек, указал, куда идти. Я немного прошел. На свободном месте находилась небольшая кучка солдат под охраной немцев. Меня присоединили к ним. Грохот не смолкал. В суматохе на мой аппарат не обратили внимания, не дошел черед. Вдруг близко грохнул снаряд, раздалась команда по-немецки "воздух", услышали гул самолета и разрывы бомб. Я не понял, чьи бомбы, кажется, наши. Поднялась страшная паника, спасаясь, немцы о нас забыли. Я со своим аппаратом побежал туда, где оставил свою винтовку, схватил ее и к вокзалу. Успеваю на товарный поезд. Нахожу свою часть и успокаиваюсь. Все это произошло так быстро, что не было времени на осмысление происшедшего. Мое отсутствие даже не заметили. Когда на месте новой дислокации стали разворачивать телеграф, оказалось, что только два аппарата СТ-35 есть в наличии. Только мой, хотя он за мной не числился, да один телеграфист принес. За это нас обоих представили к награждению медалью "За боевые заслуги".

В пути наш состав попал под бомбежку. Когда по команде "воздух" все покинули состав вправо-влево, я был ближе к голове поезда и побежал вправо. Там была болотистая местность. Лег на спину, гляжу на приближающийся к голове поезда самолет. Отделились три точки, которые быстро увеличивались, и вой нарастал. Я перевернулся вниз лицом, прижался к земле. Первая бомба не долетела, второй взрыв повредил паровоз и железнодорожный путь, а третья бомба глухо упала в болото и грязными шмотьями забросала меня. Когда об этих эпизодах с пленением и бомбежкой написал домой, отец меня в ответ попросил таких писем не писать, потому, что мама не смогла его читать, ей стало плохо, а я, балбес, не смог этого предугадать.

Следующее место дислокации полка было вблизи Киева, в Святошино. Телеграф находился глубоко под землей. Наверное, в верховной ставке посчитали, что в неудачах на фронте, в стратегических ошибках, был виноват Кирпонос. Поэтому Главкомом фронта был назначен маршал Советского Союза С.М. Буденный, а от верховной ставки был назначен Н.С. Хрущев. Как-то, поднявшись после смены, мы у полевой кухни получали обед. Вдруг слышу: "Хрущев, Хрущев". Вижу, он идет к кухне напротив меня. Раздалась команда: "Смирно!", затем: "Вольно!". Он подошел ко мне, спросил, чем нас сегодня кормят, взял мой котелок, ложку и попробовал. Я запомнил тот вермишелевый суп с мясом и спустя много лет иногда шутил, что с Хрущевым во время войны ел из одного котелка, и не врал же.

Не могу не рассказать об одном трагическом случае, когда я чудом не погиб. Закончив смену, мы отдыхали наверху. Немец обстреливал Киев. Над нами с противным звуком летели снаряды. Мы стали гадать, откуда он бьет. Вот, если бы влезть на сосну с биноклем и посмотреть, но у сосен голые стволы и только наверху крона. Я как бывший гимнаст решил попробовать свои силы и добрался до кроны. Пристроился и говорю ребятам, что видны вспышки от какого-то лесочка, расстояния определить не могу. И вот, как по закону подлости,

заблудившийся снаряд рвется прямо у сосны. Сосна будто подпрыгнула и стала падать на другие редко стоящие сосны. Я оглохший и весь исцарапанный оказываюсь на земле. Двое ребят погибли, оба Саши - Юданов и Стрекаловаш полк продолжал отходить с боями на восток. В Полтавской области, под селением Денисовка, мы попали в окружение, я раненным попал в плен и был этапирован на запад в город Умань, Черкасской области. Много было нас, попавших в знаменитую Уманскую яму, где брали глину для кирпичного завода. Там умирали с голоду, а ослабевших фашисты пристреливали. Я с группой легко раненных чудом попал в лазарет для военнопленных, находившийся на окраине города, где-то со стороны знаменитого старинного Софиевского парка.

Там была подпольная организация, которую возглавлял военврач, тоже военнопленный по фамилии Угловой. В лазарете была рабочая команда, в обязанности которой входило рыть братские могилы для умерших, колоть дрова для кухни, пропаривать белье в чанах, в общем, все хозяйственные работы. Когда я относительно поправился, с рекомендацией одного товарища, Александра Кореца из Конотопа, вступил в подпольную организацию. Меня зачислили в рабочую команду, а из нее на этапы не угоняли. Особых заданий у меня не было. Мне было поручено выявлять патриотически-настроенных выздоравливающих товарищей. Группами примерно по пять человек организовывались побеги с тем, чтобы они пробирались или через фронт к своим, или в партизанские отряды. Некоторые охранники из полицейских тоже были свои, и там, где находился их пост, пленные уходили ночью. Хотя у меня и не было особых заданий, но малейший неосторожный шаг мог привести к виселице. В рабочей команде я пробыл примерно полгода. Однажды вечером мне и еще троим, сообщили, что нас заподозрили, и мы немедленно, в ту же ночь, должны уйти, иначе завтра нас могут взять. Среди четырех был упомянутый мною Саша Корец, высокий, здоровый молодой человек, Шкотьюко Иван и еще один Саша, фамилию которого я забыл.

Помню только, что у него одного был наган. Побег усложнялся тем, что в эту ночь не было ни одного поста, на котором находился бы свой человек. Плюс к этому у нас не было настоящих пропусков, а только написанные от руки с поддельной немецкой печатью, конечно на немецком языке. В общем, побег был опасный, но все обошлось хорошо. Мы надеялись пробраться в Белоруссию к партизанам, туда же в Гомель у нас были и пропуска. Шли осторожно, разбились попарно, чтобы меньше обращать на себя внимания. Я шел с Иваном Шкотьюко. Пропуска были неважные, и мы старались не встречаться с немцами и полицией. Все же однажды наткнулись на неё. У нас проверили пропуска и провели в комендатуру. Там переводчик перевел содержание, которое мы, естественно, знали. В моем значилось, что я работал в Умани на маслозаводе шофером и направляюсь к себе домой в Гомель, а мой напарник работал там же лаборантом (он в этой отрасли учился). В полиции нам начальник отметил, что пропуск проверен, скрепил своей подписью и печатью, и мы пошли дальше. После этого мы шли смелее. Перед Белоруссией на пропусках уже была вторая такая отметка, и мы уверовали, что наши пропуска выглядят солидно. И вот на границе Украины и Белоруссии в райцентре Ново-Шапеличи нас задержали еще раз полицейские. Привели в полицию, а начальника там не оказалось. Полицейские позвонили в немецкую комендатуру "SD". Те приказали вести нас туда. Мы не предполагали, куда нас ведут и надеялись, что будет, как и раньше, и мы пойдем дальше. Вторую свою пару товарищей мы давно потеряли из виду, шли, не зная, что с ними.

Немцев при подходе к Белоруссии становилось все больше, так как там действовали партизаны. Допрашивал нас толстопузый фриц с молодым худеньким переводчиком. Первый допрос обошелся относительно благополучно. Посадили нас в разные одиночные камеры. Когда меня привели на второй допрос, то я понял, что немец при помощи увеличительного стекла обнаружил, что пропуск и печать поддельные. Вот тут-то и началось! Где партизаны, куда шел, где взял пропуск, кто его дал... На четырех допросах меня избивали до потери сознания. Друга я своего не видал и не знал что с ним. Сидел я в камере на первом этаже.

Это была небольшая двухэтажная школа, превращенная во временную пересыльную тюрьму. Вокруг нее забора не было. Помню, с одной стороны была высокая зеленая кукуруза, куда и выходило мое окно. У меня нагноилась посеченная от побоев кожа на спине и поднялась температура, были выбиты рукояткой пистолета два зуба, меня пугали выстрелами из-за спины. Я знал, что завтра будет мой последний день. Но свершилось чудо, и я бежал в эту ночь. Помог мне сбежать немец, который вел меня с последнего допроса. Когда он привел меня обратно в тюрьму и повел на второй этаж, я спросил его, как мог, по-немецки - почему наверх? Он промолчал. Когда подвел меня к двери, я повторил вопрос. Тогда он ответил, что это камера для смертников, и завтра я буду расстрелян. Судя по всему, в этой тюрьме было мало народу. Я попросил у него закурить. Потом он спросил меня, есть ли у меня мать, отец. Я ответил: да.

Потом он спросил, коммунист ли я, и я ответил: нет. На что он заметил, что считает меня коммунистом, и признался, что он коммунист тоже. Он что-то знал по-русски, а я что-то по-немецки. Вот я ему и говорю: "помоги мне уйти". Он ответил, что он антифашист, что долго сидел в тюрьме и его выпустили и мобилизовали

в армию, но не на фронт, а в охрану, что у него трое деток и что его за меня вздернут на виселице. Немец не отпустил меня, но помог в эту ночь бежать. Он подвел меня к решетке на окне и объяснил, что они сделаны наспех. Если при помощи заостренного железного штыря раскатать четыре шпильки, их можно из коробки вытащить и отогнуть так, что получится окошечко. Рассказал, что ночью тюрьму охраняют два полица. Оба они ходят по длинной стороне здания и по причелку. Подсказал, чтобы я ушел за ночь как можно дальше, чтобы если меня задержат, то я бы попал на территорию подконтрольную другой комендатуре. Я спросил его, где взять заостренный металлический прут, и он пообещал принести его.

Было тепло, середина июня. В камере была одна кровать без матраса с металлической сеткой. Я лег на нее спиной вверх расслабиться от напряжения и увидел напротив, на стене написана молитва "Отче наш..." на украинском языке. Я прочитал ее, и в это время пришел мой немец с женщиной, которая принесла мне покусать. Женщина сразу ушла, и он показал мне два заостренных прута, один потолще, другой потоньше. Более толстый как раз подошел. Он подсказал, где их потом спрятать, пожал мне тепло руку и ушел.

Днем я расшатал четыре штыря и попробовал действовать рычагом. Шпилька поддавалась. Подготовил так все четыре и стал ждать вечера. Отметил, что слева от подоконника, снаружи, чуть ниже торчит в стене рогач, который когда-то удерживал водосточную трубу, подумал пригодится. А вверху в таком же рогаче висит кусок трубы. Вечером появился полица с винтовкой. Погода была пасмурная, но лунная. Иногда луна выходила из-за облаков, но ненадолго. Я пожалел, что окно мое на длинной стороне здания и что полицейский бывает за углом почти в три раза меньше времени, чем на моей стороне. Стал считать - раз, два, три, чтобы, когда стану вылезать, таким образом контролировать время появления охранника на моей стороне.

Наконец, когда луна хорошо спряталась, я полез, но когда задел спиной за решетку, почувствовал адскую боль и забыл про контрольный счет... Вылез на подоконник, держась за решетку, потянулся ногой к этому рогачу и тело мое оказалось уже не в черном проеме окна, а на светлой стене и только тогда я вспомнил об охраннике. Глянул вправо, а он выходит из-за угла, быстрее перенес тело в оконный проем и прижался к решетке, наблюдая за ним. Когда проходил подо мною, подумалось, вдруг увидит, придется прыгать прямо на него. Он прошел назад и повернул за угол. Я немного выждал, чтобы подальше ушел от угла, достал ногой рогач и когда перенес вес тела на него, случилось то, что я предполагал, рогач согнулся и я полетел вниз, сгруппировался и приземлился на четвереньки. Мигом, что было прыти, шмыгнул в кукурузу и замер на первом ряду. И сразу раздался выстрел. Охранники сошлись. Я услышал вопрос - "Це ты стрэляв? Да, мэни щас почулось, гупнуло, та зашурудило".

Теперь меня подстерегала другая беда. Я был совершенно болен и, когда добрался до леса, силы меня оставили. У меня была высокая температура, и я понял, что если немцы меня не расстреляли, то тут придет конец, если не выберусь из леса. Взял ориентир, чтобы не вернуться назад в Ново-Шапеличи, и стал выходить из леса. Шел на одном сознании, которое чуть теплилось, и на инстинкте жизни. Не помню, как я вышел из леса и попал в какое-то селение. В сознание пришел через несколько дней. Понял, что лежу в низенькой крестьянской избе с полностью забинтованной спиной и возле меня сидит женщина лет 25-и, наверное. Мне тогда шел 23 год. Женщину я запомнил на всю жизнь: Горлина Александра Ивановна, она впоследствии еще раз спасла мне жизнь. Была там еще бабушка, украинка. Как только я пришел в сознание, она меня спросила: "Сынку, це тэбэ нимцы были?" Потом бабушка рассказала (она жила одна), что она вышла на крыльцо и увидела возле порога стонущего человека. Затащила меня в хату и пошла, позвала секретно знакомую медсестру.

Они долго не могли понять, что со мной, думали, что я ранен, а когда стали раздевать, то увидели, что рубашка сзади жесткая, как брезент от засохшего гноя и крови. Лечили меня там не меньше десяти дней.

Документов у меня никаких не было. Они с бабушкой советовали мне остаться и переждать, поработать у них, как родственник. Село маленькое, немцы только заезжают. Но мне нужно было уходить, нужно было искать товарищей и пробираться к партизанам. Александра Ивановна говорила, что о партизанах слышала не раз, но связей не имела и помочь в этом деле не могла. На случай, если меня задержат, я составил правдоподобную, как мне казалось версию, и стал ночами идти по намеченному маршруту.

Долго идти не пришлось, так как везде немцы, везде полиция, посты, карательные отряды. Задержали меня и привели в селение Хабное, вроде райцентра на территории Украины. Помню, был вечер. Посадили меня на ночь без всякого допроса в комнату в одноэтажном домике. Всю ночь не спал, выдумывая более "правильные" ответы на предполагаемые вопросы. Да и спать было невозможно, так как в измельченной потертой соломе, которая валялась на полу, было что-то вроде клопов или блох, которые нещадно кусались. Утром меня посадили в открытую машину-фургон, сзади сели два немца с автоматами и повезли.

Ехали долго, до половины дня. Я старался держаться спокойно, свободно, старался как-то заговорить с немцами, чтобы выяснить, куда меня везут. Просил закурить - не давали, на вопросы не отвечали, приказывали молчать и в разговор совершенно не вступали. А когда в середине дня остановились в каком-то большом селе, и один немец с полевой кухни принес обед на двоих, я ему сказал, глотая слюну, что тоже хочу есть, и показал на проходившую мимо женщину, давая понять, чтобы они попросили ее что-нибудь принести. Один крикнул "матка!"... Женщина принесла мне немного хлеба и молока и спросила, куда меня везут, но немец заорал на нее, пригрозил автоматом, и перепуганная тетка быстро ушла. Я попил молока и стал вспоминать, когда я в последний раз пил молоко. Память увела в довоенное время, но настроение улучшилось и как будто не только у меня. Продолжая путь после обеда, я попросил у немца закурить, он дал сигарету. Я спросил, куда едем? Он ответил, что в Киев. Я стал думать, зачем меня везут в Киев?

Я предполагал, что в какой-нибудь лагерь для военнопленных или на работу по подписке о невыезде, а тут Киев. Вечером прибыли в Киев на улицу Короленко 33. Там было центральное гестапо. Помню, висели большие шелковые флаги с фашистской свастикой. Заточили меня в подвальный камеру с козырьком на окне так, что виден только кусочек неба, закрыли за толстой дверью огромным засовом, и стал я отсчитывать дни своего бытия. Благо, что была не одиночка. Было нас шесть человек, я пришел самый последний. Хоть было с кем поговорить. Правда, разговоры были осторожные, без откровения, так как каждый боялся - вдруг подсадили шпиона? Раз в день утром выводили в туалет, а в обед давали пол-литра пшенной баланды, да кусочек хлеба, граммов 150. Утром и вечером давали попить воды.

И вот однажды через месяц, на 31 день в неурочное время, рано утром загрохотал засов, открылась дверь, и немец по бумаге громко прочитал: "Сидоренко Петро", - и это была моя очередная фамилия и имя. На допросе я по своей заученной версии рассказал, прикидываясь сереньким и недалеким, что я приехал из Гомеля выменять на барахло немного продуктов, так как мама очень больная, что у меня сестренки маленькие, тоже голодные. Под Хабным меня обворовали. Украли и деньги, и документы, и хлеб, и барахло, а теперь завезли, Бог знает куда, и держат ни за что. В общем, все в таком роде. Почему-то меня не били, а я боялся, что если меня разденут, увидят на спине отметины и тогда кто знает, что будет. Но этого не случилось. Записали все, что я сказал, дали расписаться и отвели назад в камеру. На второй день была суббота. Мы уже привыкли к субботней и воскресной суматохе, беганью немцев по коридорам, лязганью запоров, раздирающим душу крикам... Было известно, что в эти дни вывозили на расстрел в Бабий Яр. Мы сами однажды, посадив одного нашего товарища под потолок к маленькому окну, узнали, как выводили обреченных в угол двора, раздевали до белья, загоняли в черный ворон и увозили. Плач, крики! И вот, открывают нашу камеру и опять называют меня. Я попрощался с ребятами и сказал, чтобы они посмотрели, как тогда, и узнают, куда меня, на расстрел или нет. Если раздевают, значит на расстрел, если нет, значит, возможно, на работу или еще куда-нибудь. Согнали нас человек 50 в одну камеру, и каждый гадает - куда, зачем. И вот, выдают нам по паечке нашего хлеба, загоняют в черный ворон и увозят из тюрьмы. Перед расстрелом хлеба давать не будут, думаем мы. Привезли нас в концлагерь возле печально известного Бабьего Яра - "Сырец".

Когда за тобой по пятам ходит смерть в полном смысле этого слова, когда чувствуешь, что ты еще должен что-то сделать для своей Родины, но пока бессилён, то в это время все остальное отодвигается в туманную даль и кажется либо далеким прошлым, либо несбыточным будущим. Конечно, живой человек живет надеждой на будущее, мысленно перебирает в памяти прошлое, и для этого у меня была ночь. Вот тут все было в моей власти. Конечно, вспоминались мама, папа, сестренки и старшие, и младшие. Дома меня считали без вести пропавшим, было такое сообщение из армии, о чем я узнал много позже, по возвращении.

Выгнали нас из черного воронка на улицу с криками и воплями на русском и немецком языках и приказали построиться. Старший фашистский офицер крикнул стоящим вокруг нас с палками и плетками немцам и полицейским: "Sport machen!" Я понял, что речь идет о физзарядке. Мы ее сделали, только в фашистском стиле и, когда закончили, стояли все окровавленные, с разбитыми лицами и головами с перебитыми руками. Это у них называлось "боевое крещение", так немец и сказал через переводчика: "Чтобы не думали русские свиньи, что попали в санаторий". "Зарядка" заключалась в исполнении команд: бегом марш, ложись, встать, бегом марш, ползать по-пластунски, по-гадючьи. Все это сопровождалось дикими криками и ударами палок по чему попало. А палки были специальные, крепкие, длиной до полутора метров и толщиной сантиметра три, четыре. В общем, настоящий "дрын", а их было человек по десять с двух сторон, так что доставали всех, а остальные фрицы стояли в стороне с автоматами и заливались хохотом, глядя на это зрелище.

Потом погнали нас на работу, как я потом понял, совершенно бессмысленную, предназначенную для истощения и сломиения духа. Часть людей лопатами рыла яму, а другая на носилках относила землю метров на 50 и все бегом в сопровождении палок. Когда яма стала достаточно глубока, то начинали носить землю обратно, и тоже бегом. Приотставших и ослабевших пристреливали и тут же зарывали в этой яме.

Выдержавших это испытание до конца, отвели в землянки, а на завтра опять повели на работу. Есть давали кусочек, граммов 300 хлеба, вернее, гречневого жмыха и два раза баланду, не поймешь, из чего и каждый жаждал, чтобы зачерпнули со дна, хоть чуточку погуще, а получал черную воду, в которой крупинки гонялись одна за другой.

Я поставил себе цель, возможно, дольше как-то прожить и попробовать сбежать, хотя это было практически невозможно. Весь рабочий лагерь был под током, а землянки для ночлега внутри него также были огорожены тройным кольцом колючей проволоки с проводами под током. Через три дня пребывания в лагере я увидел массовый расстрел. Одна бригада, человек сорок под охраной немцев и полицейских чистила траву с внешней стороны лагеря возле проволоки ограждения. Один заключенный вырвал винтовку у охранника, убил его и старался сбежать, отстреливаясь но был пойман. Его повесили публично перед строем лагеря, а эту бригаду вывели вперед, положили на землю лицом вниз и всех перестреляли. Затем стали ходить вдоль строя и выдергивать из него людей с не нравящимися лицами и тут же расстреливать. Передо мной стоял украинец старше меня и проходившему мимо немцу что-то хотел сказать (не выдержали нервы). Только успел произнести "пан" - и ему выстрелили прямо в лицо. Вылетевшая пуля задела меня, но не ранила. Немец тут же возле меня еще одного застрелил. Как я потом узнал, это был начальник концлагеря Пауль Радомский. Лагерь был весь оцеплен пулеметчиками и автоматчиками на случай подавления вспышки восстания.

Мне еще приходилось быть под массовым расстрелом. Я впоследствии работал в маленькой бригаде, которая заготавливала и колола дрова и пни на кухню. В нашей бригаде было двое мальчишек-подростков. Вот они в траве подкопались под проволоку и сбежали. Нашу бригаду перед строем вывели на расстрел. Я тогда посчитал, что это все. Очень обидно было так бесславно умирать. Уже весь строй оцепили вооруженные солдаты с автоматами на изготовке, и Радомский через переводчика объявил, что за то, что бригада не смотрела друг за другом и двое сбежали, все будут расстреляны. Но тут произошло невероятное, я до сих пор не знаю почему, но после некоторого замешательства и паузы из санитарной землянки начали выводить обессиленных больных узников и здесь же перед строем стрелять. Тех, кто не мог ходить, постреляли прямо в землянках, а нас поставили назад в строй, как еще работоспособных.

Сохранить себя для побега на такой работе и при таком пайке было делом не легким. Но все же я дал себе твердое слово, несмотря на голод и истощение, не рыться в помойках и мусорниках, выискивая что-либо съестное, так как из-за этого умирали от поносов, отравлений и дизентерии очень многие. Во-вторых, надо рационально расходовать силы, насколько это возможно в таких условиях. Заготовка дров для кухни как раз давала лишний черпак баланды от кухонных рабочих втайне от немцев, да и охранники не стояли над нами с палками. У нас было задание обеспечивать дровами кухню и дезкамеру. Еще мне повезло неожиданно-негаданно.

В лучшие времена до войны, когда я служил и учился в полковой школе по профессии механика телеграфной аппаратуры СТ-35, мы ходили на экскурсию и практику на телеграф. Там я познакомился с одной телеграфисткой Катей, она рассказывала нам, военным курсантам-телеграфистам, о работе на таких аппаратах. Потом встретился с ней в увольнении, были в кино. Вскоре наш полк перевели из Киева в Тернополь к западной границе, где и застала меня война.

И вот встречаю я эту Катю в концлагере на кухне. Я ее узнал, а она меня сначала не узнала, да и немудрено. Обмундирование изорвано, сапоги забрали немцы, дали деревянные колодки, потом я достал один ботинок, а второй - сапог, отрезал ему голенище и так ходил. Когда я напомнил ей, получая обед, о наших встречах в Киеве и назвал свое имя, она охнула. Она тоже была узницей. И вот она стала меня понемножку подкармливать, а я делился со своими товарищами.

Футболисты киевской команды "Динамо" попали в концлагерь раньше меня за известный "матч смерти", который они сыграли с немецкой командой военно-воздушных сил и разгромили ее. Я жил в соседней землянке и часто ходил к ним. Познакомился кое с кем, помню, они меня уважали, правда, не знаю за что. Может за то, что стихов много знал и любил их читать, как и сейчас, может за любовь к спорту и единомыслию, но они мне помогали. Помню вратаря Трусевича и игроков Клименко, Свиридова, Кузьменко, Тютчева, Балакина. Сбежал я из концлагеря в июне 1944 г. К тому времени футболистов почти не осталось, их стреляли методично, подбирая причины.

Мечта о побеге не покидала меня. Первая причина, не устранив которую, я не мог бежать, это отсутствие одежды и обуви, а занять это не было возможности. Но вот она возникла. Я уже упоминал, что в дальнем углу лагеря была швейная мастерская, отгороженная забором, в которой перешивалась одежда расстрелянных граждан на немецкий фасон. Это был бизнес начальника лагеря. Старшим в этой мастерской был советский немец "фольксдойч". Штурман, как сокращенно называли узники начальника лагеря, каждый

день после работы принимал рапорт от командира лагеря, тоже заключенного, чеха, хорошо говорившего по-немецки и смешно говорившего по-русски в смеси с украинским. Жил он в комнатке, отгороженной в бараке, где обитали футболисты "Динамо". Любил смешно матюгнуться по-русски, но был безвредным, и улучшение жизни в лагере от него не зависело. Он выстраивал после работы бригады узников и докладывал штурману. Я был частым гостем футболистов, и он с ними часто общался. Обожал юмор, анекдоты, на которые я был мастак. Звали его Антон.

И вот после очередного рапорта штурман через Антона задает нам вопрос: "Слухайтэ ви меня, курвы (это слово он употреблял без разбора), штурмбанфюрер хочет знать, кто имеет какие недовольства на свою жизнь в лагере, алэ не забудтэ, курви, что штурмбанфюрер мает писталет на пояси и верного пса рядом и плетку в правой руци". Я стоял прямо, напротив, в первой шеренге и резко поднял руку вверх. Он сразу заметил и обратился к Антону, узнать, что я хочу. Антон: "Петро, дурак, видь со строю!". Я уже не был доходягой, вышел четким строевым шагом и четко остановившись напротив, вытянувшись по команде "смирно", обратился, не дождавшись перевода, к нему на немецком языке, как сумел. Я сказал, что я не бандит, а военнопленный, совершенно не имею одежды, что мне делать. Штурман измерил меня взглядом, оглядел мою дряхлую одежку, скрученную кое-где на проволочках, заставил меня повернуться кругом. Посмотрел я на его рыжую морду в веснушках, а пес то на меня посмотрит, то на него, ждет команды "фас". Он обратился к Антону, как, мол, я работаю, тот меня похвалил, назвав одним из самых лучших. Тогда штурман подозвал старшего из швейной мастерской и приказал ему сшить мне костюм и дать ботинки, затем приказал мне встать в строй. Дня два спустя он измерив меня взглядом, спросил - как? Я поблагодарил по-немецки. Он хлестнул меня плеткой, не шутя, наверное, чтоб не забывал, где я нахожусь, и приказал встать в строй.

Через неделю набирали бригаду более крепких на работу, и я попросил Антона включить меня в нее, туда же были набраны многие футболисты. Меня волновала возможность побега. Обернулось все так, что я в очередной раз чуть не отправился на тот свет.

Нас привезли во двор центрального гестапо, где я сидел в полуподвальной камере до отправки в лагерь. Мы должны были чистить двор, грузить все ненужное на машины и вывозить на свалку.

В этой бригаде был грузин. Он через знакомых получил передачу, и в ней была бутылка водки. Он опьянел, его разморило, и он где-то в уголке сидя заснул. А в этот момент во двор вышел большой чин, вроде нашего полковника. Фамилию я его знал - Эрлингер. Он как-то бывал в лагере с желтой вислоухой овчаркой восточной породы. С ней же он вышел во двор. Раздалась команда: "Ахтунг! Штильгештанд!" - "Внимание! Смирно!" И старший караульный подошел к нему на доклад. Он же, увидев спящего узника, дал команду "отставить", подошел к спящему, и рубанул его плеткой, а собака кинулась на него. Грузин спросонья, схватил собаку за горло, и шмяк о землю. Собака заскулила от боли. От неожиданности немец вроде растерялся, потом вынул из кобуры пистолет и стал загонять патрон в патронник, тот видит, что ему конец, попытался вырвать пистолет, но схватил за манжет кителя. Фриц рванул руку, хлястик на рукаве отлетел, после чего немец всадил в грузина несколько выстрелов и по инерции еще одного пристрелил из рядом стоящих.

Тут выскочили во двор офицеры и среди них наш штурман. Эрлингер подскочил к нему, размахивая пистолетом и показывая на порванный рукав, заорал: "Нет дисциплины, конец работе, всех расстрелять!" Радомский для острастки застрелил еще одного. Заставил нас погрузить в черный ворон трупы, потом погрузились сами, и нас повезли. Куда!? Всем было ясно, что в Бабий Яр. Все, у кого было закурить, закурили - все равно, мол, на расстрел. Закурили, надымили. А я кадровую служил недалеко от Яра, местность эту знал, из центра по улице Мельника прямо к концлагерю. Возле лагеря поворот направо к Яру.

Мне подумалось, если повернем к Яру, значит всех на расстрел, если же поедем прямо, значит в лагерь. Машина подъехала к лагерю и остановилась, не въезжая, и простояла не менее часа. Что только за этот час было передумано! Как выяснилось потом, за это время выстроили по тревоге весь лагерь. Подняли всю охрану, установили по углам пулеметы на случай неповиновения, и Радомский всем объявил о случившемся в городе, что начальник центрального гестапо приказал расстрелять всю бригаду, а он берет на себя смелость изменить приказ, так как бригада хорошо работала, потому будет расстрелян каждый третий. Потом уже завезли нас и стали выгружать с дикими криками и лаем овчарок. Все офицеры с пистолетами наголо, остальные с автоматами.

Выстроили нас в одну шеренгу, и штурман принялся считать, выдергивая каждого третьего. Я понял: будут расстреливать, но каких - тех, что оставляют, или тех, кого выдергивают?

Возле меня стоял низенький и толстенький. Я по следующему счету становился третьим. Штурман взял уже меня за рукав, остановился на мгновение и вытащил рядом стоящего четвертого. У меня в подсознание

промелькнуло: неужели пронесло!? Он, кажется, узнал меня по костюму. Затем вытасненных перед строем уложили вниз лицом и из автомата расстреляли. Я не смотрел на них. После узнал, что в это число попало несколько футболистов. Лагерная рабочая команда погрузила трупы и увезла в братскую могилу.

Много я сам и вместе с близкими друзьями Леней, Володей и Петром вырабатывал планов побега. Фамилий их, кроме Володиной, я уже не помню, так как они почти не назывались. Володю Склярского я хорошо запомнил, когда встретил его в Киеве после освобождения города, где я раненный в партизанах находился на излечении.

Случай для меня подвернулся совершенно неожиданно. Начальник концлагеря ездил сам за рулем на нашем советском легковом автомобиле М-1. Он был зверски жесток, безжалостен и ради развлечения каждый день убивал одного или двух человек. Я не раз слышал, что, когда он едет в лагерь, заранее подает несколько коротких сигналов, чтобы караульный на воротах успел ему открыть и он не задерживаясь, на хорошей скорости проезжал в лагерь или выезжал из него.

Бывали случаи, когда караульный, замешкавшись, не успевал. Тогда он выходил из машины и стегал караульного плеткой, которая всегда была у него при себе. Поэтому на сигнал эмки штурмана караульный стремглав кидался открывать ворота.

В концлагере была механическая мастерская, где заключенные специалисты кое-что ремонтировали для немцев. Когда легковая штурмана бывала неисправна или, возможно, занята, он ездил на мотоцикле с коляской, иногда сам за рулем, а иногда его привозил немец и вот однажды он приехал с немцем в лагерь на мотоцикле. Было это около середины дня, по-моему, в обеденный перерыв. Я случайно, помнится, вышел из-за угла мастерской и увидел, как несколько человек в суматохе садились в машину штурмана. Я стремглав полетел к машине и крикнул: "Я тоже с вами!". Пока они были в замешательстве, я уже сидел в машине. Увидев, что я такой же, как они, подали команду пригнуться как можно ниже, выкатили на прямую дорогу к проходной, развили скорость, а шофер стал подавать торопливые короткие сигналы. Каждый думал, откроет постовой ворота или нет! И когда всем своим существом я понял, что ворота позади, а машина набирает скорость, раздались выстрелы один, второй... Караульный мотался у открытых ворот и стрелял не в нас, а вверх...

Мы поняли: будет погоня, облава, так оно и случилось. Старались принять разумные решения. Я предложил ехать не слишком быстро, чтобы не привлекать внимания. Только тогда я заметил, что наш шофер в немецкой форме. Многие улицы были завалены разрушенными домами, проехать было нелегко. Решили пробираться в Печерский район к Днепру, там были канавы в зарослях. Мы старались лежать внизу, если так можно было назвать наши позы. Въехали в город, в гущу народа и движения. Оружия у нас не было. Мы слышали за собой погоню, выстрелы, лай собак. Все это то приближалось, то удалялось. В Печерском районе через какой-то садик попали в безлюдное место, бросили машину и - кто куда.

А погоня опять рядом, собаки лают, выстрелы. Не знаю, кто были другие ребята, но шофер был киевлянин, знал хорошо дорогу и город. Помню, он сказал, что где-то рядом Аскольдова могила, что здесь есть водосточные трубы. Я Киев тоже немного знал. Служил здесь до войны, ходил в увольнения несколько раз, возили нас на экскурсии в Печерскую лавру. Я решил по паркам и зарослям пробираться как можно дальше к Печерской лавре, хотя твердого плана, куда идти и где скрываться у меня не было. А погоня будто сжимала кольцо. Если я набегу встречал человека, то старался пойти шагом.

Потом среди деревьев начались постройки, и людей побольше и прямо передо мной полуразрушенное здание, и люди выбирают кирпичи, очищают его и складывают, а вокруг с оружием стоят автоматчики в форме, но не в немецкой, а в какой-то другой, почти немецкой. Я смело иду мимо них в здание, и они не обращают на меня внимания, так как там и другие ходят, а солдаты, видать, увлеклись этим шумом выстрелов и лаем собак.

Вдруг кто-то меня окликнул по фамилии, я не поверил, оглянулся, а человек мне рукой машет и зовет. Я узнал в нем узника лагеря хорошо мне знакомого Петра и смело пошел к нему. Он сразу догадался, в чем дело. Завел меня в развалины и сказал, что мне сейчас отсюда нельзя сделать ни шагу. Дальше там немецкие части, а здесь уже погоня рядом, а к ним, заключенным под конвоем, подозрений не будет. Отсюда и бежать легче, сказал, что у него есть план побега и будут документы (пропуска), а без них из Киева не выйти. Я сразу же согласился, да и выхода другого не было, только спросил, как же поступать, когда будем идти с работы в лагерь, а в строю будет лишний человек. Он ответил, что можно не бояться, ведь добровольно в лагерь никто не пойдет, а у них никакой строгости нет, поскольку охраняют бывшие голландские военнопленные. На других работах трудились еще две бригады, а Петр в этой - за бригадира, и ему верят.

Меня переодели кое-как, в общем, подмаскировали, все знали, что иначе за это придется болтаться на виселице. Погоня прошла, но немцы шныряли взад-вперед по этой территории. Вечером мы построились и нас повели в лагерь. Все прошло хорошо. Когда мы строим по пять человек подошли к воротам, караульный открыл и спросил: "Все?" Петр ответил: "Все!". Караульный только глянул, а считать не стал, привык к порядку, да и лишний человек - просто ошибка.

Так я и остался в этом лагере. Бежать смогли примерно через две недели или больше. А пока я ходил на работу и возвращался в лагерь.

Бежать мы договаривались вдвоем с Петром, но побег откладывался. С нами на стройке работали вольнонаемные. С одним из них Петр имел разговор о том, чтобы тот достал несколько пропусков. Это было еще до моего прибытия в лагерь. Парня того звали Анатолий. Он знал другого молодого человека, связного в партизанском отряде, и Анатолий просил его принести оттуда несколько пропусков для желающих бежать узников. Тот обещал. От партизан он в город приходил раз в неделю, и теперь Петр каждый день спрашивал, но Анатолий каждый день отвечал, что связной еще не приходил, и сам удивлялся, что его так долго нет.

Но однажды связной пришел, и не один, а с другим партизаном, и вскоре два человека появились и сели недалеко на скамейке. Анатолий сказал, что пропуска у них, и они сами хотят их вручить, когда мы уже сбежим и встретимся в назначенном месте. Петр попросил разрешения у конвоира подойти к ним, сказав, что это его родня. Конвоир разрешил. Когда Петр вернулся, я узнал, что они показали пропуска, спросили, сколько человек собирается бежать. Петро сказал: двое, а они спросили, почему так мало. Он ответил, что другие пока не готовы. Я узников знал мало, а Петр сказал, что можно было бы предложить, но надежных мало. В общем, Петр договорился встретиться на подольском базаре у входа после обеда.

План у нас был такой. Одна грузовая машина (наша советская полуторка) возила из городских развалин кирпич сюда, на стройку. В машине был конвоир и вольнонаемный шофер. Петр назначал на машину двух человек, и они ездили за кирпичом. После обеда за ним должны были поехать мы с Петром. По пути в город он сагирует конвоира съездить на базар за шнапсом. Конвой его знал, да и он почти всех знал, так как был давно в лагере и был уверен, что конвоир согласится, а если не согласится, то придется действовать по обстановке. А после обеда планировали потому, что у нас было кое-что припасено из одежды и денег, и нужно было это забрать из лагеря.

Надо вкратце сказать, откуда это у нас взялось.

Однажды потребовали выделить 10 заключенных разгружать вагоны возле складов завода "Арсенал". В вагонах оказалась одежда расстрелянных. Много хорошей, но не новой, а может быть, награбленной. Часть одежды была в засохшей крови. Её мы должны были носить метров 70 по улице, а затем по коридору в подвальные склады. Конвой стоял на улице, а в подвале два немца показывали, куда класть и вешать. Конвой разрешил нам поменять на продукты или деньги находящимся поблизости людям. Конечно, и им перепала хорошая доля, и они были заинтересованы, только чтобы немцы не видели. Наменяли себе продуктов, сала, сахара, масла и денег, а, уходя домой, подбирали себе что-нибудь из одежды по размеру и поддевали под свою старую.

Мы подозревали, что после окончания работ будет обыск. Поэтому попрятали по знакомым ребятам, за что, конечно, пришлось поделиться. У себя под подушкой я оставил одни брюки и куртку. Обыск, действительно, состоялся. У многих ребят нашли много одежды, отобрали и избили, а у меня оставили, так как я вроде честно взял себе надеть. Вообще, я в этом лагере ожил - во-первых, мы спали не на голых нарах, а на матрацах и есть давали более сносно, ведь от нас требовалась полезная работа, и генералу доходяги были не нужны.

Явившись после обеда, забрали из лагеря с собой что могли, и мы с Петром отправились на машине за кирпичом. Конвоир согласился поехать на базар, так как Петр пообещал ему шнапса и дал хороший плащ. У Петра на Подоле жила знакомая женщина, и он рассчитывал, что мы купим водки, встретимся со знакомыми партизанами и заедем во двор к этой женщине. Там она приготовит нам закуску, выпьем, подпоим конвоира и без шума и убийства уйдем. Этого требовали и партизаны. Все точно так и вышло. С водкой и папиросами (помню по 100 штук в пачке) мы пришли все вместе к этой женщине. Она была средних лет, без мужа. Сына ее, подростка 16-ти лет дома не было.

Вот здесь мы и начали пировать. Познакомились с партизанами. Одного, худого, который обещал принести пропуска, звали Толик, а второго, плотного, - Андрей. Женщина по заданию Петра изрядно кокетничала с подвыпившим конвоиром. Я отлучился с Андреем в соседнюю комнату, заполнил пропуска, и мы стали выжидать момент. И вот, когда все было готово, мы быстро и незаметно вышли во двор, смешались с толпой и

направились к железнодорожному вокзалу. Пьяный конвоир и шофер остались беседовать с женщиной. Петр сказал мне в пути, что она передала ему наган с двумя патронами в барабане. Мы должны были на вокзале, как нам объяснял один из партизан Андрей, назвавший себя старшим, сесть в рабочий поезд с товарными вагонами, доехать до станции Мотовиловка, что километрах в 40 от Киева с тем, чтобы оттуда уже вместе добираться в лес к партизанам.

Мы с Петром были крайне осторожны ко всему, даже к новым знакомым, поскольку мы их не знали. Так мы решили в случае необходимости сказать им, что оружие и патроны есть у нас обоих и показать незаметно наган Петра, чтобы они знали, что мы вооружены.

До вокзала добрались благополучно, при выходе на перрон немцы проверили у нас пропуска, мы сели на рабочий поезд в товарный вагон и поехали. Поезд возил рабочих и всякий другой народ в Киев и из Киева. Останавливался на каждом маленьком полустаночке, чтобы высадить рабочих и шел больше по лесу.

Был июнь, конец дня, часов шесть вечера. Мой товарищ Петр и новый знакомый Андрей были изрядно подвыпившие. Петр сразу стал шутить с едущими женщинами, Андрей был возле него. Я осмотрел внимательно вагон. Широкие его двери были полностью открыты. Возле дверей с одной стороны сидел полицейский на ящике. У него в руках были четыре-пять винтовок, связанных вместе. Почти рядом с ним стояли три немца в форме младшего комсостава. Больше военных в вагоне не было.

Я невольно стал в мыслях перебирать наш путь и все наставления наших новых знакомых, в основном, Андрея. Было понятно, что едем подальше от Киева, чтобы легче было пробраться в лес, но мне было не ясно, почему нас должны встречать партизаны, тем более что Андрей нас предупреждал: партизаны ходят в разной одежде, может быть в полицейской или в немецкой. В меня вселилось подозрение, и я стал внимательно наблюдать за нашими новыми знакомыми и сразу заметил, что Толик бросает на меня странные взгляды, будто хочет мне что-то сказать. Я подошел к нему ближе. Поезд остановился, сошли те немцы и полицейские с винтовками, и сразу поезд тронулся дальше.

Петро с Андреем по-прежнему шутили с женщинами, а Толик, улучив момент, наступил мне на ногу, подавая знак, и шепнул: "шпик", показывая на Андрея, и "в Мотовиловку ехать нельзя, там ждут немцы". Меня точно током пронзило. Перед глазами в памяти воскресли допросы, пытки. Затем Толик мне шепнул, что с ним надо быть осторожным, так как Андрей за ним следит. Я убедился, он действительно старается держать его в поле зрения, а Толик старается не вызывать никаких подозрений. Я спросил Андрея, есть ли у него оружие, он ответил, что только у него, что следующая остановка Корчи - предпоследняя, откуда до Мотовиловки около шести километров. Я понял: нужно что-то решать, старался собрать свои мысли и волю воедино, чтобы принять быстрое решение.

Времени не оставалось, остановка приближалась с каждой минутой. Мне нужно было как-то известить Петра. Я его толкнул, моргнул, и он подошел ко мне. Остановившись возле дверей, я вкратце рассказал, что мне стало известно, и Петро предложил его сразу убить. Я запротестовал: поднимется шум, паника, и мы можем пострадать. Я предложил, что мы сойдем на Корчах, что предложу неожиданно и громко пройти эти пять-шесть километров пешком, а Толика я предупрежу, чтобы он находился поближе к дверям. Спрыгнем все из вагона. Думаю, что и он, ничего не подозревая, тоже спрыгнет, раз мы ему нужны. А когда продолжим путь в отсутствии людей, все будет просто, лишь бы не вызвать у него подозрений.

Так мы и сделали. Андрей еще не успел возразить, что нас, мол, там будут ждать партизаны, как мы все трое были на земле. Он тоже спрыгнул. Поезд пошел. Он высказал недовольство "глупым" решением, так как там ждут люди. Петр сказал, что его тошнит от выпитого и в вагоне он больше не может находиться, что, наверное, можно самим пройти к партизанам, но раз нас ждут, есть приказ такой, то пойдем на станцию пешком. Вот тут-то Андрей спросил, есть ли у нас оружие, и Петро вынул свой наган. Он тоже вынул свой и сказал, что пойдем вдоль железной дороги, чтобы не сбиться с пути. В случае чего мы должны были действовать по его команде.

Мы согласились и пошли ничем не вызывая подозрений. Петро шел сзади и показал мне, что хочет выстрелить в него. Я запретил по той же причине, что и в вагоне, показав, что я сейчас, идя рядом, схвачу Андрея за руку с пистолетом, а он пусть схватит сзади за шею. Толик шагал рядом с Андреем немного впереди. Я подошел к Андрею со стороны правой руки, в которой он держал пистолет и спросил, есть ли в отряде оружие для нас, ведь с пистолетом много не навоюешь, а сам смотрю на Петра, он близко идет позади Андрея. Только он начал что-то отвечать, я обеими руками схватил его за руку, Петро за голову, мгновение - и он лежал на земле без оружия, а у меня в руках был его немецкий "парабеллум". Мы его увели подальше в лес, посадили под деревом и стали допрашивать. У него в карманах еще были две обоймы и насыпом патроны.

Через Толика мы узнали, что, когда он последний раз возвращался из Киева в партизанский отряд, его при каких-то обстоятельствах арестовали в районе Мотовиловки. Он сидел в гестапо, его допрашивали, избивали при участии этого Андрея. Затем Толик, не выдержав пыток, хоть и не выдал расположение отряда, но, чтобы облегчить свою участь, сказал, что его просили достать несколько пропусков для узников концлагеря, готовых бежать в партизаны. Тогда ему дали прийти в себя, приставили к нему этого холуя Андрея, дали ему пропуска и отправили в Киев. Вот мы и попались на эту провокацию. Конечно, тот парень-строитель, которого тоже звали Толиком, ничего не знал обо всем этом, а Толик, связной партизанского отряда, мучимый угрызениями совести, постарался сообщить нам эти сведения об Андрее.

А что же Андрей? Он стал проситься с нами в отряд, ему больше ничего не оставалось. Нам хотелось привести его в отряд, но Толик сказал, что давно не был в отряде, что отряд часто меняет расположение и что он не знает, где он находится сейчас, может, придется искать не один день, что уже надвигается ночь, и предложил с ним покончить.

В сущности, он был прав. Разве можно было водить с собой такого волка ночью, когда сам не знаешь, куда идти и нужно самому быть осторожным, чтобы не попасть в лапы к немцам. Поставили его к сосне, сказали: "Именем Советской власти, за измену Родине". Петро дважды спустил курок своего нагана, и оба патрона дали осечку. Тот бросился бежать в кусты, и мне ничего не оставалось, как воспользоваться его же парабеллумом.

Прозвучали два выстрела, и со стороны села раздалась ответная автоматная очередь, затем еще... Мы быстро затащили его в густой куст и направились вглубь леса. В отряд мы попали на второй день к вечеру, случайно натолкнувшись на дозор.

Запомнилось мне на всю жизнь одно событие, которое случилось со мной. Когда мы углубились в лес и вся эта тяжесть напряжения, нервы, натянутые как струна, относительно ослабли, и мы почувствовали себя в безопасности, я ощутил сильнейшую жажду. Желание пить удваивалось с каждой минутой. Во рту был сухой липкий клей, невозможно было открыть рот. Погода была сухая и жаркая, хотя был вечер. Товарищи успокаивали меня, что они тоже хотят пить, но надо потерпеть. Мне, помню, дали глоток водки (у Петра оказалась бутылка), но после этого стало еще хуже, я уже не мог вымолвить слово "пить", вспомнил о прочитанной книге из жизни пустыни, где зной и безводье и где родилась болезнь водобоязни. Если организм перегорит, перетерпит, человек на этой почве потеряет сознание, а, придя в себя, начинает бояться воды. При виде воды он теряет сознание, и его поят искусственно.

Мне стало страшно, и я стал умолять ребят идти куда-нибудь в деревню, хотя это было опасно. Ребята испугались моего состояния и стали успокаивать. Толик подумал, сориентировался и сказал, что вот в этом направлении попадем в волчьи яры, там когда-то стоял партизанский отряд, и в глубоких ярах партизаны рыли криницы. Вот и направились туда. Мне, кажется, шли долго, и в каждой глубокой лощине я предлагал попробовать докопаться до воды. В висках стучало, ребята помогали мне идти и все успокаивали. Наконец, Толик сказал: "вот они", и мы стали спускаться по зарослям вниз.

Становилось все прохладнее, потянуло сыростью, и вот, наконец, мы в самом низу яра увидели блестящее пятно воды. Я не помню, как я упал на живот и с головой окунулся в воду. От воды оттащили меня ребята. Хотелось еще пить и пить, но посидели, отдохнули, и желание пить уменьшилось. Здесь мы решили заночевать, выбравшись из яра наверх, в нем было сыро. Выбрав место и договорившись, что будем дежурить по очереди по два часа, мы легли отдыхать, а дежурить остался Петр. Первым проснулся я, а оба караульных спали мертвым сном. Оказывается, Петр не выдержал и тоже неожиданно для себя заснул. Так мы втроем проспали остаток ночи. Набрали в бутылку водички и отправились искать партизан.

В партизанах нам первые дни пришлось изрядно поволноваться, хотя я верил, что правда должна восторжествовать. То, что нас после первого допроса трое суток держали под арестом, было естественно. Каждому вновь прибывшему в отряд необходимо было сделать собственную проверку, и он должен пройти соответствующий карантин. Но у нас осложнилось дело тем, что Толик побывал в лапах у немцев, кое-что лишнее сказал, в чем он признался сам. Его с нами не держали, а после первой беседы его куда-то увели, и мы его больше не видели. Слышали потом, что его перевели в другой партизанский батальон. Не в нашу пользу было еще и то, что незадолго до нашего прихода в отряд было предательство, из-за которого он держал целый день бой с немцами. Как мы потом узнали, в отряд добровольно явились двое мужчин, побыли несколько дней и скрылись, а после был бой. И еще нам говорил комиссар, который с нами больше других беседовал, что наш вид был непохож на вид людей из концлагеря, оборванных, худых. Мы рассказали, откуда у нас такая одежда и почему мы в данное время не выглядим доходягами. Еще комиссар подробно расспросил о месте, где мы оставили убитого провокатора.

Запомнился случай, который в это время с нами произошел. Когда комиссар беседовал с нами, подошла девушка, одетая в аккуратно сидящую на ней кожаную куртку, с косами, закрученными вокруг головы. Села она на траву рядом с комиссаром и молча сидела до конца нашей беседы. Несколько раз я ловил ее суровый недоверчивый взгляд. Всем своим видом она давала понять, что не верит ни одному нашему слову. Мне было страшно подумать, что нам не верят. Я не раз видел эту девушку, когда она проходила по расположению отряда, слышал ее разговор, и ничего жестокого в ней не было, да и не шла ей суровость, такой юной, стройной, красивой. Но на нас она смотрела, пронизывая нас сквозь! Я услышал, как она, уходя, сказала комиссару: "Неужели не ясно, что это предатели?! Хотите дожидаться, когда они удерут?" И, когда наступившей ночью нас срочно подняли и двое партизан повели за расположение лагеря, вера в правду дрогнула. Я подумал, что пришел конец. Мало ли что может быть во время войны, да еще в такой напряженный период?

Там, куда нас привели, был комиссар и еще двое. Комиссар посветил нам фонариком в лица и попросил рядом находящегося человека внимательно посмотреть на нас и сказать, нет ли среди нас какого-то человека. Тот долго всматривался и указал на Петра, но "тот" был, кажется повыше. Тогда комиссар спросил, когда это было, и человек сказал, что вчера. Стало ясно, что он ошибался, так как мы находились в отряде уже больше двух суток. И нас увели.

На следующий день мы спросили комиссара, кто есть в отряде из концлагеря, может быть, мы знаем их. Я рассказал, что при мне бежали двое мальчишек, которые меня знают и двое взрослых, один из которых - врач (фамилию его я знал, но теперь не помню). Оказалось, такие двое у них есть, они находятся в разведке и скоро не будут. Потом он сказал, что посылали разведку разыскать убитого нами предателя, но они ничего не нашли. Тогда комиссар послал более опытных товарищей и описал им более подробно место происшествия, и эта разведка должна после обеда вернуться. Он заверил нас, что все будет в порядке и завтра нас распределят по взводам. Мы с нетерпением и некоторой тревогой ждали этого момента, и он пришел.

Перед вечером комиссар освободил нас из-под стражи и повел в штаб к командиру. Вдруг в проходящей куче бойцов я узнаю своего бывшего старшину, в роте которого я был в полковой школе в Киеве еще до войны в 1940-1941 гг. Я его окликнул, и он узнал меня. Его фамилия Крисан. Правда, он сказал, что он уже не старшина, а младший политрук "Бессмертный". Комиссар спросил, откуда он меня знает, и тот ответил, что служили в одном полку в Киеве, я в то время был кандидатом в члены ВКП(б), и мы состояли на учете в одной парторганизации.

А в штабе нас ждало еще одно хорошее сообщение. Командир отряда старший лейтенант Грозный сообщил: вернувшаяся разведка нашла труп, изъяла из карманов все документы, которые подтверждали принадлежность его к предателям Родины. Мы в спешке не обыскали его карманы. Ну и одежда на нем оказалась точно такая, как мы описывали. Командир и комиссар нам разъяснили задачу, которая стояла перед нами и перед всеми партизанами, записали нас и направили в подразделение. Помню, командир сказал, что мы находимся на маленькой территории советской власти в тылу врага. И еще добавил: оружия в отряде нет и добыть его нужно собственными руками у немцев или их помощников, но для начала обещал дать нам оружие.

Можно ли себе представить радость, которая нас охватила после таких испытаний, лишений, в общем, нечеловеческой жизни? Попасть в условия настоящей свободы, почувствовать, что ты еще нужен, и ты еще можешь что-то сделать для общей цели - разгрома германского фашизма. Мне все в отряде казались родными и близкими, всех готов был обнимать. А девушка, которая приносила нам еду, когда мы сидели под арестом, первая прибежала нас радостно поздравлять. Помню, ее звали Инна, и она хромала, ее до нас в одном из боев ранило. Она громко и возбужденно говорила, что вопреки всем слухам и измышлениям она верила: мы свои ребята, и так и вышло.

А ту девушку, которая доказывала комиссару, что мы предатели, я долго не встречал. Только узнал, что она медсестра и зовут ее Людмила, коротко Мила. Она вообще избегала встреч с нами, чувствуя себя неловко за свои прежние несправедливые подозрения и поспешные выводы. Спустя некоторое время, нас обоих вызвал командир и сказал, что, как мы и просились поскорее попасть на какое-нибудь задание, сегодня вечером в числе других мы поедем на задание. Может быть, там добудем оружие, а для начала выдал карабин мне и Петру, не помню какое. Пистолет и наган, которые у нас отобрали, нам возвратили сразу же, когда освободили из под стражи.

Вечером нас собрал командир и объяснил задачу операции. Было нас, кажется шесть или семь человек и запряженная подвода. Еще было светло. Задача на первый взгляд простая. Мы должны были пробраться на свиноферму совхоза, которая находился под Фастовом, и называлась "Аппетит". Там мы должны были достать мяса для партизанского отряда, заколов несколько кабанов, и соли. Нужно было незаметно пробираться

километров 20-25. Приказ был избегать всяких столкновений и оружие применять в исключительных случаях. Был назначен старшим один из командиров, и мы отправились в путь на подводе. Одеты мы были в гражданское. Оружие было приказано припрятать. Ехали где лесом, где проселочными дорогами. Спрашивали у надежных людей, есть ли в следующем селе немцы. Если нет, ехали через селение, а, если да, то объезжали.

В совхоз добрались, как рассчитывали, уже затемно. Узнали, что немцы там не стоят, а стоят где-то дальше, но днем многие приезжают, и что в совхозе живет один управляющий. Когда стали расспрашивать у людей о нем, все говорили, что немец неплохой, даже некоторые говорили, что по отношению к народу хороший. Многих отстоял от угона в Германию, выдает поросят и т.д. Зашли в сельский клуб, там были танцы под гармошку при тусклом свете лампы. На улице были оставлены посты. В клубе, увидев нас вооруженными, многие растерялись и бросились наутек. Потом, поняв, что мы не немцы, охотящиеся за молодыми для отправки в Германию, а партизаны, стали собираться к нам и наперебой отвечали на вопросы. Один вызвался проводить нас к управляющему. Возле клуба мы оставили двух постовых.

Управляющий был дома, ходил обутый, в брюках и в натальной рубашке с подтяжками. Была у него женщина. Автомат и пистолет с ремнем висели возле кровати на крючке. Мы одного партизана с провожатым оставили на улице, а втроем зашли к нему. Двери были заперты, он чувствовал себя спокойно. Командир наставил автомат и скомандовал "Руки вверх!!!", а я быстро подошел к кровати, снял автомат и ремень и повесил себе на шею. Больше оружия у него не было. Нашли два мешка соли, аккордеон. Повели немца на ферму. Немец передрейфил, считал, что ему капут, но старший сказал ему, что народ на него не жалуется, а даже наоборот, хвалит, поэтому мы его оставляем в живых, и чтобы он это учел, а своему начальству сказал, что налетели партизаны и взяли, что им было нужно. На ферме он нам показал откормочное стадо. Мы забили сколько требовалось свиней, помогал нам в этом провожатый наш, животновод, взяли еще пару лошадей с бричкой, перегрузили все и благополучно под утро прибыли в отряд, прихватив двух добровольцев в партизаны. Командир похвалил нас за чисто проведенную операцию.

Вот так началась моя партизанская жизнь, насыщенная интересными и опасными событиями, хотя я в партизанах был немногим более четырех месяцев.

Здесь, в отряде, я получил возможность отомстить фашистам за все свои страдания и отомстил, может быть не полной мерой, но сколько успел. До прихода наших регулярных частей. 9 ноября 1943 года мы соединились с регулярными частями нашей армии, и я уже больше не воевал, так как в партизанах под конец был тяжело ранен и десять месяцев проходил на костылях.

Однажды нам четверым дали задание подорвать железную дорогу и пустить поезд под откос. Груз, помню, был не очень стратегическим, но мы должны были все время о себе немцам напоминать и вредить. В это время в отряде не было детонационного шнура, и мы решили подорвать его, связав взрывчатку с немецкой гранатой - была такая с длинной деревянной ручкой. На свободный конец ручки навинчивалась крышка, под которой находился шнур с шариком. За шнур нужно было дернуть, и граната через четыре-пять секунд взрывалась. Для этого мы взяли метров 50 или больше шпагата, привязали его к шариком, чтобы затем из укрытия дернуть в нужный момент за шпагат.

Выбрали мы место, подкопали под рельсу, заложили взрывчатку, протянули шпагат до укрытия в кусты и сидим, ждем поезда. Вдруг слышим голоса, разговор. Присмотрелись, а по железной дороге идут неизвестные нам люди. Разглядели поближе силуэты с оружием и голоса приглушенные украинской и немецкой речи. Оказывается, это шел дозор, проверял пути. Партизаны часто их беспокоили, так они стали периодически проверять железнодорожное полотно. Пока мы опомнились и приняли решение, уже первые пришли на это место.

Мы решили: если не заметят, пусть проходят. Большая часть уже прошла (их было около десятка), и вдруг один заметил, кажется, луна выглянула из туч, слышу: "Хлопцы, тут шось разрыто", - присел, потом - "Тут шнур яныйсь". Все остановились. Я говорю Виктору, дергай, а он хотел, чтобы все собрались в кучу, а когда через мгновение дернул, шпагат был уже отрезан. Они попадали на полотно и открыли в нашу сторону ураганный огонь. Мы стали отходить, полетели, и разорвались несколько гранат. Меня осколком легко ранило в руку.

Итак, мы, несолоно хлебавши, вернулись в село к знакомому связному. Там мне сделали перевязку и решили оставить в селе, так как ребятам надо было идти дальше по другому заданию, а я остался, как раненый, чтобы выполнить другое небольшое задание. Нужно было пробраться к старосте села и передать ему просьбу командира насчет продовольствия. Я решил пойти рано утром.

Поднявшись утром ни свет, ни заря, я отправился к нему, он жил на окраине села, и я смело шел - в такую рань, да еще в районе, никаких немцев не может быть, хотя какая-то их часть стояла в школе. Было тепло, и я шел в коричневом, еще неплохом костюме, аккуратно обутый, как в выходной. В кармане у меня была справка с немецкой печатью, что я работаю на лесозаготовках, и пистолет. Левая рука была подвязана бинтом через шею, в месте ранения она покраснела и опухла.

Вдруг меня кто-то зовет, глянул, со двора, почти рядом выходят два вооруженных автоматами немца. Один из них по-русски подозвал.

Я остановился, и они подошли ко мне. Я сначала от неожиданности растерялся, но делать было нечего, надо сохранять спокойствие. Я так понял, что они ходили пораньше по хатам и выгоняли на какую-то срочную работу людей. Я ответил по-немецки, что я больной. "Что с тобой?" - я попросил говорящего по-русски объяснить, что при работе на лесозаготовке мне бревном перешибло руку. Немец спросил документ, я полез правой рукой за справкой, а рядом пистолет, какой-то момент я был в замешательстве, что доставать справку или пистолет. Возможно, я достал бы пистолет, но тут заметил подхитившего полицейского с какими-то знаками отличия и саблей и достал справку.

Немец стал читать, а полицейский подошел и громко стал говорить, что я, вероятно, партизан. Меня прошибло током от этих слов, ну, и я попер на этого полицейского. Сам ты, мол, наверное, волк, в лес смотришь, как бы сбежать к партизанам. Я, мол, хоть пользу немцам приношу, а ты надел саблю, отпустил усы и думаешь, что уже Бог, а какой с тебя толк, поймал ли хоть одного партизана, только даром немецкий хлеб жрешь! Немец стал объяснять старшему наш разговор, а полицейский сказал, чтобы я поблагодарил судьбу, что немцы рядом, а то он бы мне за мой язык саблей голову снес. Я ему тоже что-то дерзкое в ответ, а он, паразит, уходя, гавкнул, что к врачу в школу меня надо повести, там разберутся, может, я раненный. Я сказал, что, мол, ладно, без тебя обойдемся. Немцы немного между собой поговорили и пригласили меня с собой. Я с "радостью" согласился, ответив по-немецки. Направились в глубь села по прямой улочке, которая метров через сто или меньше сворачивала строго вправо, была от поворота широкая и вела прямо к школе.

Село Плисецкое очень большое. Я понял, что дело труба и что дальше этого первого поворота мне идти нельзя. Бодро шел я рядом с немцами, и они ничего не подозревали, что-то болтал по-немецки, хорошо, чуть-чуть мог болтать. Потом, когда до поворота оставалось метров двадцать, я нагнулся и, дернув шнурок от ботинок, стал его поправлять. Немцы ушли вперед, потом оглянулись и позвали меня, чтобы шел быстрее. Подчинился и пошел к ним. Они стояли на углу и не заворачивали за него, чтобы держать меня в поле зрения. И, когда я смело подошел к ним, они повернулись, чтобы продолжать путь, а я мигом выхватил пистолет и дважды выстрелил.

Задание мое пришлось выполнять через день, а пока срочно пришлось уходить в лес. Рука моя быстро зажила, и я опять стал ходить на задания. Но рядом с боевой партизанской жизнью протекала самая земная, самая обыкновенная, с человеческими характерами, внутренним миром каждого человека. В свободное время собирались, балагурили, шутили с девчатами и, естественно, влюблялись, кто был способен на это тонкое, благородное чувство. Молодость брала свое. Мой товарищ Петр подружился с партизанской разведчицей Верой. Я долгое время ни с какой девушкой контактов не заводил и не старался. Все же почему-то хотелось встретиться с той девушкой, которая предлагала комиссару покончить с нами, уж очень она выглядела серьезной и ненавидящей нас. Но я никак не мог ее встретить, не мог найти подходящего случая, да и совсем, почти не видел ее. Она была при штабе, жила в штабной палатке, потом ее куда-то отсылали. Затем я узнал, что ее отец каким-то большим начальником был до войны, вроде членом правительства, и здесь в отряде она была под особым покровительством.

Однажды я попытался с ней познакомиться. В свободное время попросил одного партизана, чтобы он позвал ее к нам в отделение к больному. Она была старшей медсестрой, а больным притворился я. Она молча смирала температуру, проверила пульс, посмотрела язык, не отвечая ни на какие реплики товарищей по поводу сердечной болезни, и так же молча ушла. Когда я спросил её вослед, от чего она ничего не сказала, она ответила, что если я еще раз вызову ее от нечего делать, то она доложит командиру. Потом, спустя какое-то время, я снова попытался заговорить с ней, момент был подходящий. Я был в наряде разводящим, она тоже была в наряде дежурной по штабу. Вот я зашел и стал с ней разговаривать, она ответила, что я веду себя так, словно я не на дежурстве, а на свиданье. Я устыдился и ушел. Я стал ловить себя на том, что, чем упорнее она меня избегала, тем упорнее, я искал встречи с ней.

Мне помог случай. Это был тот случай, когда человек висит на волоске от смерти. Коротко говоря, она попала в немецкую засаду, и, когда немец вел ее из лесу в село, а я возвращался из села в лес, я ее спас. Вышло как-то вроде того, как Павел Корчагин спас матроса Жухрая. Немца отправил на тот свет, а ей сказал, пусть там, у

чертей на том свете поищет для вас мазь от веснушек (у нее на щеках возле носа было немного веснушек). Помню, она мило улыбнулась и поблагодарила за заботу. Еще сказала, что я ее сейчас спас от ужасной смерти, и пошла по своему заданию.

Со временем я стал замечать, что она стала искать встречи со мной. А я умышленно стал избегать разговора, сторониться, так сказать держать форс, чтобы подогреть интерес к своей особе, вызвать некоторую ревность своим безразличием, так как знал, что ей хочется и нужно что-то сказать по поводу ее спасения, ведь тогда было некогда и, я знал, что скоро у нас с ней должен состояться разговор. Каким он будет, я не мог предположить.

Повод для первой встречи выбрал я и совершенно случайно. Мы, с моим другом Петром вернувшись ночью с задания, привезли, чуть ли не полный бидон меда, который забрали у одного полицейского вместе с несколькими парами сапог и валенками. Мы нередко привозили какие-нибудь лакомства. Мед сдали начальнику продовольствия, ну и себе оставили немного за работу на угощение. Поздним утром на второй день мы собрались завтракать у себя в палатке. К нам пришла Вера, знакомая Петра. Вдруг вижу, Людмила бежит по дорожке повыше палаток. Я распротер руки и преградил ей путь, пригласил на вкусный завтрак с медом. Она сказала, что мед любит, и с удовольствием придет минут через 10. Завтракали весело, как и подобает молодым.

Вера много балагурила, рассказывала про свои похождения в разведке, а она вела себя скромно, с достоинством и жаловалась, что командир не отпускает ее в разведку, и завидовала Вере. С этого дня я стал называть ее по имени - Мила. После этого встречаться и разговаривать с ней приходилось часто, но коротко, днем, в рабочей обстановке.

Она всегда была со мной очень любезна, и я отвечал ей тем же. Товарищи, которые находились поближе к штабу и которые не прочь были завести с ней дружбу, усердно этого добиваясь, увидав мое расположение к ней и некоторое ухаживание, стали шутить, что не для меня эта девчонка, что не такие тузы за ней увивались - и все напрасно. Командир запрещал донимать ее ухаживаниями, если она их не принимает.

Вся эта опека только подогревала мое желание сблизиться с ней, тем более что она чертовски стала нравиться мне. В скором времени отряд передислоцировался, чтобы замести следы. Наши войска на фронтах успешно наступали, немцы становились более озлобленными и жаждали уничтожения партизан. Вот и приходилось периодически менять место расположения лагеря.

Передвигались ночью, неожиданно и строго секретно. Я пригласил Милу, чтобы она шла с нашим подразделением, и она согласилась, предварительно доложив командиру. С нами шла и Вера, подруга Петра. Мы помогали им нести вещи и преодолевать трудные участки пути. На привалах мы вполголоса (таков был приказ) разговаривали малой компанией, шутили. В конце пути был приказ расположиться на отдых до утра, и мы своим отделением выбрали поляночку, расстелили, что было, и уставшие легли отдыхать. Немного поговорили, и всех быстро одолел сон. Только мы с Милой проговорили до самого утра. Больше говорил я, так как она просила, чтобы я рассказал о себе. Я ей поведал о Крыме, о своих родных, об учебе, о своей первой любви, о своих скитаниях по концлагерям и смертным камерам, о побегах, в том числе последнем. И только тут она сказала, что ее мучает совесть, что она простить себе не может тот случай, когда предлагала командиру покончить с нами. Рассказала это, чтобы облегчить душу, и попросила, чтобы я простил ее. Она думала, что я не знаю этого, а когда я сказал, что знал, и что давно простил, она неожиданно прижалась ко мне, схватила обеими руками мою руку и заплакала. В эту минуту все перевернулось во мне, стало ее очень жаль, появилась безграничная нежность к ней, я стал целовать ее заплаканные глаза, и она меня не отстраняла. Потом кое-что рассказала о себе, об учебе в медицинском техникуме, который не успела закончить.

Мы узнали, сколько кому лет. Мне тогда шел 24-й, а ей было 20. Она сказала, что ей хотелось иметь друга в таких сложных и тяжелых условиях, но ничего не получалось. Назвала двух товарищей, с которыми была не против подружиться, и которые жаждали ее дружбы. Но проходило время, и они начинали предъявлять свои мужские права, лезли целоваться, и дружба на этом кончалась. Заявила, что, если и я такой, то эту нашу встречу надо сделать последней, чтобы не терзаться потом разлукой, когда привыкнем друг к другу. Я дал слово, что буду таким, как она хочет, и в разлуке буду думать только о ней.

С этой ночи у нас сложились очень ясные отношения, которые ни для кого в отряде не были секретом. Провожая меня на задания, она откровенно и искренне просила меня, чтобы я был очень аккуратен и осторожен и, когда я смеялся над ее словами, начинала плакать и однажды сказала сквозь слезы: "Знай, что если с тобой что-нибудь случится, я убью себя". Да, мы полюбили друг друга по-настоящему, и вместе с

миром прекрасного это нам прибавило забот, страданий и переживаний друг за друга.

В скором времени меня тяжело ранило.

А случилось это так. Послали нас четверых на кладбище одного села, где, по сведениям очевидцев, были зарыты диски с патронами. Дали нам подводу, точные координаты, и мы поехали. Патроны были оставлены нашими отходящими в это время войсками, а нам они были очень нужны. По нашим сведениям, немцев в этом селе не было, но мы должны были проверить сами. На окраине села мы оставили подводу возле одной хаты, в которой никого не оказалось, двое остались с подводой, а двое, я с одним партизаном Николаем, пошли в разведку.

Немцы обычно селились в центре села, так как там большие здания и безопаснее. Мы направились по улице туда. Немцы часто появлялись конспиративно, поздно вечером, чтобы устроить где-нибудь засаду, так как жителям они не верили. Мы были уже в центре села, но до школы еще не дошли, остановились возле молочного пункта, где заметили внутри огонек. Постучали, мужик-сторож открыл и, видя нас с оружием, почему-то слишком громко поинтересовался, кто мы такие и что нам надо. Мы попросили его разговаривать потише и спросили, есть ли в селе немцы. Мужик, к нашему удивлению, вел себя недружелюбно, недовольно бурчал, сказал, что немцев нет, но можем сами проверить, если не верим. На просьбу угостить молоком ответил отказом и добавил, что много тут нас таких ходит.

Выйдя от него, мы пошли по улице к школе. Было темно. Вдруг заметили силуэты двух человек, идущих нам навстречу. Присев, мы увидели, что они вооружены. Подпустить ближе и окликнуть пароль мы не смогли, так как не было никакого укрытия, и, если это немцы, нам было бы худо. Мы легли прямо на дороге, притворившись пьяными, но лежали молча. Вдруг, услышали немецкую речь, и нам все стало ясно. Николай велел мне спрятать под себя карабин и сказал, что он будет стрелять из пистолета, когда они подойдут близко. Они заметили нас и остановились поодаль, оживленно рассуждая. Николай стал, как артист, давиться, рыгать, что-то бурчать, и я стал ему помогать отплеиваться. Немцы поняли, что мы пьяные, смело зашагали к нам. Когда они подошли совсем близко, Николай, лежа на земле, выстрелил в упор. Я тоже потом выстрелил из карабина. И мы побежали назад. Со стороны школы по воздуху полоснула автоматная очередь, затем вторая, просвистели пули.

Пробегая около молочного пункта, мы заметили, что мужик-сторож погасил огонь. Сзади раздавались выстрелы, поднялся собачий лай. Мы перемахнули через забор, свернули с улицы и побежали огородами, выстрелы отдалялись. Когда стали подходить к месту, где оставили подводу, то ее на месте не нашли. Затем наши ребята окликнули пароль - мы ответили. Оказывается, услышав стрельбу, они спрятали подводу.

Решили быстрее возвратиться в отряд и доложить командиру обстановку. И только мы рысью стали подъезжать к лесу, как прямо возле нас раздалась автоматная очередь и окрик: "Хальт!". Мы поняли, что попали в засаду. По команде бросили туда гранаты, устроили панику и, попадая в подводу, отстреливаясь, галопом помчались вдоль леса (по лесу в темноте не ускачеешь).

Открылась отчаянная стрельба. И вдруг как будто все тело мое пронзило током. Я даже не понял сразу, куда я ранен, и только сказал ребятам громко: "Все, братва, попала!" На вопрос ребят, куда, ответил, что и сам пока не разберу, но попала здорово. Мы продолжали удаляться от выстрелов, и я стал чувствовать, что у меня немеет правая нога.

Заехав на безопасное расстояние, на опушку леса, ребята стащили с меня сапог, в котором уже чавкала кровь, и нашли рану от разрывной пули. В темноте ничего разобрать было нельзя. Порвали нательную рубашку, кое-как завязали, перетянули жгутом и решили повезти меня к одному связному, адрес которого знал один местный партизан. В отряде в это время не было условий.

Дома у связного оказалась одна девчонка лет 14-и. Мать и отец, как она сказала, в лесу рыли для себя землянку на случай, если немцы будут чинить массовый расстрел перед отступлением или угонять в Германию. Меня

оставили здесь, а сами уехали в отряд. Родители пришли под утро.

Девочка оказалась очень смелой. Я глухо стонал, а она поправляла мне ногу. Пошла, набрала мешок соломы и подложила, чтобы нога была повыше, а я отпустил жгут, чтобы нога не омертвела. Она очень сильно болела. Девчушка предложила развязать и поправить повязку, так как вся она была мокрая от крови, хоть выжимай. Когда мы ее размотали, увидели кошмарную рану, раздробленные кости, два пальца висели на коже. Девочка нашла чистую белую тряпку, немного йода, смазала вокруг раны и завязала послабее, уложив

кое-как пальцы. Я боялся, что будет заражение, рана была грязная, а обработка все откладывалась.

Утром, при первой возможности, хозяин, его звали Кузьма, пошел в больницу, чтобы позвать кого-нибудь из медиков. Меня успокоил, что у него есть молодая женщина, которой можно довериться. Когда вошла эта женщина, я вскрикнул от радости, узнав в ней Александру Ивановну Горлину, которая лечила меня там, на границе Украины и Белоруссии, у старушки после фашистских побоев, после побега из тюрьмы.

Встрече нашей и она обрадовалась. Она оттуда эвакуировалась с сынишкой, так как немцы не давали жизни в деревнях, обозленные действиями белорусских партизан. С ней я был абсолютно спокоен, она была своим человеком. Обработав мне рану, сделала перевязку, укол, и сказала, что пригласит женщину врача-хирурга, чтобы та сделала свое заключение. На второй день она пришла. Очень долго ковырялась в ране, удаляя "ненужные" косточки, куски мертвой ткани. Сказала, что хорошо бы меня положить в стационар и сделать обстоятельную операцию, но раз такой возможности нет, будет заживлять рану, наложила швы и уложила пальцы. Предупредила, что приходить не сможет, но помогать Александре Ивановне будет.

Меня навещали друзья из отряда вместе с Петром. Приносили письмо от Милы, содержание которого невозможно передать. Писала, что комиссар обещал сам лично изучить обстановку и возможность отпустить ее ко мне. Мне сделали костыли, чтобы я мог передвигаться - кажется, ерунда, а мне вся эта забота, человеческая доброта, любовь и тепло порой незнакомых людей были очень дороги. Ведь каждый из них рисковал своей жизнью, и, когда я глядел на таких людей, ненависть к предателям, изменникам Родины, лилась через край.

Мне нельзя было долго находиться в одной хате, так как могло стать подозрительным посещение медсестры, и меня каждые несколько дней перевозили из дома в дом верхом на лошади, чтобы не было слышно. И это потому, что рядом с золотыми людьми ходили подонки. Хотя их было мало, но они были.

И вот однажды меня в очередной раз перевозили с квартиры на квартиру. У женщины был маленький ребенок. Мы в сарае сделали хорошее логово в сене. Сеном была заложена половина сарая до самого верха. В самом верху был сделан лаз, который я закладывал изнутри сеном, а лестницу, по которой я влезал, убирала хозяйка. На причелке было маленькое окошко в сторону огорода, и мне было хорошо видно. Мне дали какие-то книги, и я их почитывал. Хозяйка часто заходила ко мне в сарай и спрашивала, как я там, не нужно ли чего. В другой половине сарая был различный инвентарь и гуси, куры и прочее.

На второй день часов в 9 утра, после завтрака, меня позвала хозяйка и сказала, что ко мне гость. Поставила лестницу, я открыл заложённый лаз и увидел сияющую Милу. Первым делом она доложила, что командир отпустил ее на два дня. Пришла она одетая в простую деревенскую юбку и кофту, в старенькой косынке и в этой одежде она казалась мне милее, как Аленушка из сказки. Шла она в такой одежде и с корзиной, в которой были грибы, чтобы не вызывать подозрений. Корзину она оставила в хате на лавке и с радости забыла забрать пистолет, который находился под грибами. У меня к этому времени тоже не было пистолета и никакого другого оружия, кроме двух гранат, которые мне оставил Петр, когда на время забрал у меня пистолет. Я бы и не вел об этих пистолетах разговора, если бы не происшедшее событие, которое не изгладится из моей памяти до конца моих дней.

Только Мила перевязала мне ногу, посмотрела рану, поплакала немного из жалости ко мне, как вдруг возле дома остановилась машина, и мы услышали немецкую и русскую речь. Предал кто-то, мелькнуло в голове. И, как на грех, со мною Мила. Ну, чего немцам заезжать к одинокой женщине, да еще на окраине села - только предательство, подумал я. Я стал уговаривать Милу, чтобы она слезла вниз и стала колоть дрова, которые были в сарае, как своя, но она наотрез отказалась, чтобы ни случилось, не хотела меня оставлять одного. Да и вообще трудно было решить, как нужно было поступать. Вдруг не найдут.

Мы остались вдвоем. Немцы вошли во двор, хозяйка вышла им навстречу. Удивляюсь мужеству этой женщины, ее спокойствию, выдержке. Даже когда переводчик сказал ей, что им известно, что у нее прячется раненный партизан, она засмеялась и спокойно стала отрицать, предлагая обыскать. Немцы, не прекращая галдеж, вошли в дом.

Беда была еще и в том, что лестница не была убрана, и убрать нам ее было невозможно. Хотя сарай был закрыт, шум нельзя было поднимать, так как я знал, что на улице, возможно, кто-нибудь остался для наблюдения. Я открыл лаз и посмотрел на лестницу. Ее можно было сильно толкнуть, но, падая, она бы сильно загремела. Я решил ее толкнуть в бок, чтобы она, скользя по сену, верхним концом упала к стене, но получилось плохо. Лестница немного наклонилась и остановилась примерно под углом в 45 градусов, и достать ее я уже ничем не мог.

Я аккуратно заделал лаз, вынул из кармана два детонатора, и стал, не спеша, вставлять в гранаты, обдумывая, что может произойти и что можно будет предпринять. Мила молча наблюдала за моими действиями. Я сказал, что очень плохо, что у нас нет ни одного пистолета и никакого другого оружия, она ничего не ответила.

Трудно передать то состояние духа, когда тебе, может быть, последний раз в жизни, нужно что-то предпринять, и это что-то связано с концом жизни твоей и жизни любимого человека. Ясно, живыми попадать в руки фашистов нельзя ни в коем случае, так как это ужасная, мучительная смерть. Мы знали: прежде, чем нас убьют, нас подвергнут допросам и пыткам.

А как можно смотреть, если у тебя на глазах жгут каленым железом дорогого тебе человека, выкручивают руки, вырывают ногти. Да, это мы знали. До слез было обидно, что так неожиданно пришло к тебе счастье и вдруг так же неожиданно стало скрываться за горизонтом.

Немцы вышли на улицу, хозяйка с ребенком на руках сама стала открывать им этот сарай, но они сначала пошли в меньший сарай, что был рядом, в котором были корова и поросенок.

Мне что-то нужно было сказать Миле, но каждый раз, когда глядел ей в глаза, у меня спазмы сдавливали горло, и я ничего не мог вымолвить. Потом, собравшись с духом, сказал: если немцы по лестнице полезут сюда, я одну гранату брошу вниз, а другую... Она не дала мне договорить, прижалась ко мне и прошептала: "Согласна". Я обнял ее одной рукой, прижал к себе, она лицом уткнулась в мою грудь, и мы стали ждать. В правой руке я держал гранату.

Немцы вышли из маленького сарая и вошли в наш. Гуси громко загоготали, немцы тоже что-то галдели. Затем гуси стали громко кричать, я услышал голос хозяйки, как она упрашивала немцев, чтобы они не брали гусей у нее, что их у нее много, что их много на озере, но немец ей стал обещать спички, нитки и еще что-то. Я понял, что они занялись гусями. Наловив гусей, они стали уходить со двора, хозяйка шла за ними и упрашивала, чтобы они оставили гусей. Потом я услышал рокот мотора, и машина уехала. Мила оставалась неподвижной и, когда я стал ее тормозить, она попросила не трогать ее, а потом сказала: "Эх, жаль, все исчезло, ты помешал". Я не мог понять, что исчезло, чему помешал. Она стала рассказывать вполне серьезно.

Когда она прижалась к моей груди, ей стало совсем легко, она подумала о Крыме, о моих родных, особенно о матери, и представила ее себе такой высокой и белой, как я говорил, с добрым, улыбающимся лицом. И вдруг она возникла перед ней, как наяву, в какой-то незнакомой комнате. Смотрит она на нее, не сводя глаз, и боится моргнуть, чтобы видение не исчезло. Слышит, будто в этой комнате еще кто-то есть, но боится обернуться, чтобы не потерять маму. И так в это время ей захотелось жить! Нет, не так, как все хотят, ведь жить хотят все, а как-то по-иному, рядом с моей мамой, потому что у нее такой не было. И тут я стал ее толкать, она отвлеклась, и мама исчезла. Я ей говорю: немцы уехали. А она отвечает: чувствует - беда отступила, только она ничего не слыхала: ни гусей, ни голосов, ни машины. Сказала: нас спасло это чудо, что предстало перед ее глазами, то есть моя мама и ее желание увидеть ее наяву. Она уверяла, если бы она встретила ее, узнала бы сразу, никогда до этого ее не видя. Я посчитал это плодом ее фантазии, а спасли нас умная хозяйка и гуси. В общем, беда от нас отступила, и мы еще смутно верили в это. Я подумал, что немцы имели какие-то косвенные, неточные сведения, иначе они не отступили бы.

Хозяйка ради конспирации долго у нас не появлялась. Сновала то в хату, то из хаты, ходила по двору, занималась делами, поила корову, только потом, когда убедилась, что все в порядке, вошла и спросила, как мы там. Вечером мы спустились к ней в комнату, ужинали, и она нам рассказывала пережитые страхи. Как кричала немцам, умоляла не трогать гусей, а сама думала, пусть хоть всех заберут, только скорее уходят. А когда узнала, что у Милы в корзине лежал пистолет, чуть в обморок не упала. Хорошо, говорит, что накинула на корзину тряпку, чтобы не расспрашивали, где собирала грибы, когда ходила в лес.

Я попросил хозяйку, чтобы сходила к человеку, от которого меня перевезли к ней, объяснила ему, что произошло, спросила, не было ли у него обыска и в связи с этим организовать переброску меня на другую квартиру. Вдруг немцы получают подтверждения прежним сведениям и повторяют визит. А пока мы пошли на сеновал и очень много и долго говорили о прошлом, о счастливом будущем, если мы доживем до него и поклялись друг другу всем своим существом, как только могут клясться любящие сердца, прошедшие такое горнило войны, что будем верны друг другу, как говорят, до гробовой доски. В ту же ночь Мила стала моей женой.

На следующий день поздно вечером меня в ее присутствии переправили на другую квартиру, и мы с ней расстались. Она ушла в лес в отряд. Для меня все стало вдруг пусто и грустно, хотя я знал, что через какое-то

время она придет.

Через несколько дней Мила пришла ко мне с радостной вестью, что, во-первых, наши войска уже подошли к Днепру и осталось ждать недолго. Во-вторых, командир разрешил ей все время находиться со мной, так как она рассказала ему о нашей любви, и потому, что решила, что должна быть возле меня и как медик.

Ожидалось, что немцы при отступлении будут устраивать облавы, обыски, расстрелы. Хозяин сначала поселил нас на чердаке сарая, там тоже было сено, было светло и хорошо. Но обещал, если начнется суматоха, обыски, облавы, то переместит нас в потайной погреб. Два дня мы слушали непрерывную канонаду со стороны Днепра и знали, что наши готовятся к его форсированию. Мы подсчитывали, что наши через пару недель будут здесь. И, хотя это был небольшой срок по сравнению с тем, сколько мы ждали, но и он нам стал казаться вечностью, так хотелось жить.

Я не представлял, как это может случиться, как мы встретимся со своими. К исходу второго дня канонада стихла. А утром на другой день, часов в 10, кажется, мы услышали в селе суматоху, выстрелы, шум. Думаем, немцы забегали, наверное, облава. Я открыл лаз на чердак и стал громко звать хозяина, но его не было. Тогда я разрыл соломенную крышу сарая и стал наблюдать за происходящим.

По селу бегали немцы, люди, двигались машины, горела одна хата. Я еще раз позвал хозяина, но его не было слышно. Я стал наблюдать дальше, и вдруг по крыше рядом со мной просвистели пули. Мила приказала мне лечь и стала в самом углу готовить в сене убежище, чтобы в случае чего спрятаться. Затем разорвались два снаряда, один из них совсем близко, так что посыпались стекла, и чуть не развалился сарай. Потом услышали лягг гусениц, который нарастал, приближаясь к нам. Строчили пулеметные очереди, свистели пули, мы лежали на чердаке, чтобы не зацепила шальная пуля.

Мимо дома промчал танк, да так, что наш сарай заходил ходуном, потом второй, третий, мы насчитали восемь. Подумали, отступают фашисты. И вдруг раздирающий душу крик хозяина: "Братцы! Дети, где вы там, скорее сюда! Слава! Красная Армия пришла!" А сам плачет. Никогда из памяти не исчезнут эти слова. На радостях забыл совсем о раненной ноге, о костылях, прямо без лестницы спрыгнул с чердака, ушиб ногу и поскакал на одной ноге на улицу. Потом только услышал крик Милы, которая подавала костыли и просила помочь ей слезть. Хозяин убежал. Я поставил лестницу и торопил Милу, мне казалось, что наши могут уйти, а мы не успеем. Мы выскочили на улицу, по которой мимо нас шли танки. Здесь же валялся убитый немец с автоматом. Я взял у него автомат и повесил на шею, предварительно дав радостный салют вверх. От леса возвращались назад танки, оказывается, это были наши танки, преследовавшие немцев.

Что тут творилось! Люди плакали, вопили, целовались, лезли на танки, целовали броню. Этой радости не передать. Это было село Плисецкое. Мы с Милой сели на один танк, командир которого был или Павлов, или Петров, забыл. В центре села было много танков. Затем полковник подал команду: "Вперед! На станцию Мотовиловка!". Это была та самая станция, на которую нас вел предатель Андрей. Наш танк пошел первым.

Когда он подошел к селению, лейтенант открыл люк, увидел нас и стал ругать, что мы не остались в селе в медсанбате. Я забыл сказать, что в Плисецком я встретил еще одного партизана, который был легко ранен в ногу, и он тоже был с нами на танке.

Командир приказал Миле влезть в танк. А нам велел крепче держаться, так как могут быть немцы. А немцы, хотя и были, но совсем наших не ждали. Мы догнали какой-то обоз, стреляем по ним, а они смотрят в недоумении, разинув рты. Но самое интересное было то, что здесь я встретил того полицейского, который тогда в селе подходил и советовал немцам отвести меня к врачу и грозился отрубить саблей мне голову. Он и еще несколько человек ехали на линейке (повозка на мягком ходу). Лейтенант остановил возле них танк, он немного оторвался от основной группы, враги смотрят в недоумении, потом растерялись, увидав, что танк со звездой и стали проситься, называя лейтенанта паном офицером. Смех, да и только. Лейтенант смеялся больше всех. И вдруг я узнаю среди них эту круглую морду. Подошел к нему и говорю, посмотри-ка на меня внимательно, кто кому теперь голову снимет? Лейтенант спросил, и я рассказал ему, как мы познакомились, и, как я ухлопал двух немцев. В общем, пришлось свести с ним счеты.

Когда заняли мы это селение (то ли Боярка, то ли Боровая, возле станции Мотовиловка), тех, кто был ранен, по приказу полковника отправили в тыл в село Плисецкое в медсанбат, в том числе и нас. Мила очень просила с нашей передовой танковой частью пройти до Фастова, ей очень нужно было посчитаться с одним предателем, которого кроме нее никто не знал. Историю эту она мне рассказывала. Лейтенант ее предупредил, что Фастов - это город, и может быть бой, но она очень настаивала. После я себя проклинал, что согласился ее отпустить, но это был такой радостный день, и она обещала завтра вернуться.

Соединились мы с нашей армией, меня отправили в медсанбат, провел я там два или три дня, Милы не дождался, и меня отправили в Киев в полевой госпиталь вместе с другим нашим партизаном, легко раненным в ногу. Разве мог я находиться в госпитале, если любимая девушка пошла с передовыми танковыми войсками в самое пекло. Предстояло им взять город Фастов. В момент разлуки я не подумал об этой опасности, так много было радости. В первый же день пребывания в госпитале мы со Славой, так звали партизана, стали искать раненых, которые участвовали в боях за взятие Фастова в надежде что-нибудь узнать о Миле. И - о чудо! - находим командира этого танка, с которым Мила уехала. Он был сильно обгоревшим и забинтованным. Он вспомнил нас, но о Миле ничего хорошего не сказал - был без памяти. Только в госпитале он пришел в себя. Сказал, что при атаке в их танк попал снаряд, и больше ничего он не помнил. Наверное, она погибла, напрасно вы ее отпустили, сказал он. Посоветовал нам найти одного майора из их подразделения, тоже раненного, только не так тяжело, как этот лейтенант.

Нашли мы этого майора, начали расспрашивать, при каких обстоятельствах он был ранен и где, не встречал ли он девушку-партизанку, медсестру, возможно в медсанбате в Фастове среди раненых. Он отвечал шутками, хотя нам было не до шуток. А когда я описал, как она была одета и про косы вокруг головы короной, вдруг вспомнил, что видел такую в Фастове в медсанбате, и даже вспомнил, что ее называли Милой. Выяснив, что она не ранена, мы тотчас же ушли на розыски Милы. Майор нам сказал, что в госпитале Мила ухаживала за ранеными солдатами, перевязывала их и прочее. В Фастове мы разыскали медсанбат и стали расспрашивать про медсестру Милу, но сначала никто не знал. Потом одна девушка рассказала нам про нее, что поначалу она по просьбе военврача задержалась здесь и помогала медперсоналу и что вчера или позавчера ее отпустили в штаб партизанского отряда.

Мы знали, что штаб находился в Василькове и занимался расформированием бойцов и оформлением документов. Мы не легко добрались до Василькова, так как я был на костылях, а Слава с палочкой. В отряде Милы тоже не оказалось, и командир меня отругал, за то, что я ее отпустил от себя, и предположил, что она, может быть, поехала в деревню Бобрица, где временно живет ее мать - учительница. Мы добрались до этого села, разыскали ее мать, Евгению Дмитриевну, она жила при школе, но там ее тоже не нашли, только мать расстроили. Она стала переживать, что при возвращении ее могли убить в лесу, так как там еще бродят немцы и предатели. Мы ее успокоили, как могли, пообещали разыскать и привести к ней и ушли. Мы не знали, где искать Милу.

Решили возвратиться в штаб отряда в надежде, что и она там появится. Я с ужасом думал о сказанном матерью, о немцах и предателях. А вдруг, правда? Через такое пройти и погибнуть так глупо!? В это не хотелось верить. Прямого транспорта до Василькова мы найти не смогли, да и "кривого" в то время было мало, но одна военная машина довезла нас до села Боярка, откуда мы должны были пробраться в Васильков.

Уже стемнело, мы остановились возле сельсовета, там горел свет, было людно, народ был и гражданский, и военный. Здесь мы встретили знакомых партизан и рассказали о цели нашего путешествия, о поисках Милы. "Так она здесь!", - крикнул кто-то из них, ее штурмуют корреспонденты в кабинете председателя сельсовета. Я не поверил своим ушам и почти побежал в сельсовет. Приоткрыв дверь кабинета председателя, я увидел двух военных и двух штатских, и ее, сидящую спиной к двери. Я не помню, какой она издала крик, увидев меня, но помню, как она вылетела, опрокинув стул. Мы обнялись, она плакала. Она ведь тоже потеряла надежду меня разыскать, побывала и в Плисецком, где был медсанбат, и в Киеве в госпитале. Нигде обо мне не было никаких известий. Теперь она направлялась в Васильков, в штаб отряда. Когда порыв радости прошел, она смущенно сказала корреспондентам, что это тот Петя, о котором я вам рассказывала. "Петя" - так звали меня в отряде, и она еще не отвыкла.

В Василькове нам выдали временные партизанские удостоверения, и меня опять направили в Киев в госпиталь.

Когда я вышел из госпиталя, мы зарегистрировали с ней брак, и она стала Екимовой Людмилой.

Мать Милы сагитировала нас временно уехать в село Бобрица, где она раньше жила. И стали все трое работать. Мать - директором школы, я преподавал в школе военное дело и вел 4-ый класс, а так же физику и математику до 7-го класса, так как школа была семилетка. Учителей в то время не хватало, вот и принимали наиболее грамотных, после проверки знаний. Мила работала заведующей медпунктом. Проработал я там один учебный год, а когда наши освободили Крым от немцев, мы с Милой поехали в Саки к моим родным. Вскоре, 29 октября 1944 г. у нас родилась дочь Дина.

А потом праздновали мы победу - такое торжество не забудется!

Время было тяжелое. Послевоенная разруха, следы немецкой оккупации, земли, огороды и сады запущены, обрабатывать нечем, приходилось пахать на лошадях, быках, коровах, в других хозяйствах даже люди таскали бороны.

Мне было 25. Жизнь шла своим чередом. Многое еще пришлось пережить, претерпеть неволю, безвременную смерть Милы, но это уже другая история.

Правду говорят - время лучший доктор. Жизнь шла дальше. Хорошие моменты отодвигали назад и закрывали пережитое. Человек продолжал жить.

Автор: В.Е.Екимов © Я помню ИСТОРИЯ , МИР 👁 8204 27.10.2004, 18:00 📄 747

URL: <https://babr24.com/?ADE=17041> Bytes: 94963 / 94963 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["ПОБЕДА ВО II МИРОВОЙ ВОЙНЕ"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)